

(Продолжение. Начало в № 2/38.)

Вторым, условным, направлением моей реанимации была семья — жена и дети.

Камеру смертников иногда называют адом. Ад — это место полного отсутствия Бога. В камере же смертника Бога столько, сколько подчас не бывает и в местах менее тесных. Другая крайность — видеть в камере смертников едва ли не чистилище, панацею спасения, место, стопроцентно гарантирующее всякому в ней оказавшемуся полное покаяние.

Для паршивой головы действительно нужен шелок. Но старец Феодосий (Кашин) как-то сказал, что колодец милости Божий действительно бездонен, однако если придешь к нему с худым ведром, ничего не почерпнешь. Никакой закономерной связи между помещением преступника в камеру смертника и покаянием не существует. Я знаю многих убийц, проводивших в камере смертника и по три, и по четыре года, но готовых убивать и дальше. На мой взгляд, все зависит не от самой камеры, а все же от того, откуда и, главное, с чем ты в эту камеру пришел.

Первое чудо Иисуса Христа произошло в Канне Галилейской — превращение на свадьбе воды в вино. В Евангелии сказано, что Господь не сотворил вино из ничего. Он поставил условие: сосуды прежде должны быть наполнены водой. (В этом, может быть, кроется часть ответа на извечный вопрос о страдании: почему одному оно посылается, а другого минует. Какой смысл посылать человеку страдания, если в нем уже нет того, чем страдают?)

ПОКАЯНИЯ ОТВЕРЗИ МИ ДВЕРИ...

И покаяние убийцы возможно лишь при том условии, что вводимый в камеру он тоже не должен быть абсолютно пустым. Какое-то содержание, пусть грязное и мутное, но какая-то «вода» в нем все же должна оставаться. Какой-то принцип, привычка, привязанность, желание — что-то такое, от чего можно было бы потом оттолкнуться, что можно было бы потом поприбавить, преобразовать в «вино» — положить в основу покаяния и преображения.

Здесь следует оговориться, что, безусловно, дверь покаяния для человека, кто бы он ни был, остается открытой до последнего его вдоха, и все дело лишь в том, достанет ли у него сил, чтобы захотеть в нее войти.

Духовное опустошение — процесс несиюминутный. Сначала утрачивается честность и верность. Потом — честь и совесть. Или в другой последовательности, но — от греха к греху. Что именно отмирает у человека в последнюю очередь, я не знаю, но осмелюсь предположить, что это привязанность к близким. Довести собственный организм до полного обезбоживания вопреки всем моим стараниям, у меня, думаю, все же не получилось. В каких-то щелях и трещинах где-то, видимо, сохранилась ничтожная крупница, и крупнейшей этой была моя привязанность к жене и детям. Не говорю «любовь», потому что от нее во мне оставался лишь

некий суррогат, смесь животных инстинктов и эгоизма. Эгоизма, потому что, продолжая убеждать себя, что я по-прежнему люблю их для них, я в действительности любил лишь для самого себя.

Однако в тот момент, когда я оказался за всеми гранями, Господь и этот эрзац чувств к домашним обратил в средство моего спасения.

ЖЕНА...

Она ничего не знала до последней минуты. Была на дежурстве в больнице. Спустилась сверху, как тогда, когда я увидел ее впервые, — вся в белом. Что это последние секунды расставания навсегда — я предполагал, она — нет. Что-то почувствовала, спросила, не сердце ли опять, сказал, что все нормально, что нужно дня на три в Москву. Велела купить апельсинов, посмотреть что-нибудь на ноги дочке. Домой из Москвы я не вернулся. Присутствие ее в суде посчитал невозможным. Встречу после приговора — тем более. От ее попыток (уверен — именно ее) проникнуть ко мне через мысли спаслся Высоцким — первые десять суток после ареста глушил себя им от подвема до отбоя.

Однажды прорвалась. Приснился шум воды. Прислушался и понял, что это она — пришла с ночной и включила душ. Подождал... Все не шла. Все шумела вода. Догадался: не закрыла ванную дверь — нужно встать и закрыть — стал подниматься, ударился обо что-то головой, открыл глаза и увидел стену камеры... За окном шумел ливень.

Последнее письмо для нее я передал через братьев. Потом отправил в суд заявление о расторжении брака. Во-первых, чтобы лишний раз не заходила: бывшей жене справку о приведении приговора в исполнение в отношении бывшего мужа не выдают. Во-вторых, для того, чтобы поскорее получила статус матери-одиночки и начала получать пособие на детей, не дожидаясь, когда меня расстреляют.

ДЕТИ...

Чем бы ни глушил себя, чувство страха за них все равно систематически пробивалось. И чем дальше, тем настойчивей.

В тот день мне сообщили о краже. Жена с детьми жила уже в другой области, у своих родителей. Кто-то сорвал замки с сараев. Унесли велосипеды, банки, но дело было не в величине ущерба, а в том, что я еще был жив, а их уже начинали обижать. Эта кража наглядно показала, что производимое мною зло вовсе не бумеранг, как я привык думать, то есть оно возвращается не обязательно именно на меня. Принцип бумеранга меня, воспринимавшего жизнь как непрерывный спарринг и даже получавшего от этого «увернулся — не увернулся» удовольствие, вполне

Обратно

Спаси, Господи, и помилуй отца моего....

устраивал. Сохранялась видимость справедливости: ударил — получи сдачи. А потому и вроде бы никому ничего не должен.

Кража освободила меня от этой иллюзии. Она показала, что зло — не бумеранг. Что оно как брошенный вверх камень. Бросая камень, я подвергаю опасности уже не только себя, потому что девять раз из десяти он падает обратно не на меня, а на тех, кто рядом. А рядом — родители, жена, дети.

Несправедливость моих действий по отношению к жене и детям, оказывается, была гораздо значительнее, чем я думал до этой кражи. И этот новый взгляд на механизм зла породил во мне какие-то первые признаки осознания той самой, подлинной вины. Я вдруг представил, как бросаю камень в человека. Совершенно постороннего, врага, противника. Как он летит. Как, поразив того, в кого был нацелен, возвращается и, брошенный моей же собственной рукой, проламывает голову моему же ребенку... Мне сде-

лалось не по себе. Всю жизнь проповедовавший булгаковское — тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит, — я начал судорожно протестовать против этого принципа. Я не хотел, чтобы за мои ошибки расплачивался кто-то еще, тем более любящие меня люди. С катастрофическим опозданием я стал придумывать для них хотя бы какую-то схему безопасности.

ЗАВЕЩАНИЕ

Возможности выхватить и вывесить их из-под ударов мною же сотворенного зла у меня не было. Что-то, написав письма к своим братьям и сестрам, я перепоручил, в виде моей предсмертной воли, им. О чем-то попросил не посчитавших нужным отвернуться друзей. Но всего этого было недостаточно. Я решил объяснить все, что смогу, детям.

Говорил на вырост — не трехлетним и пятилетним, а взрослым. Говорил и прекрасно понимал, что все это только слова, воспринимаемые лишь только тогда, когда за ними следуют

подтверждающие их поступки. А совершить их я уже не мог.

Тогда я вцепился в одно обстоятельство. С позиции сегодняшнего дня ту мою выходку иначе как идеей воспаленного рассудка назвать нельзя, но в тот момент она казалась мне единственным, что я мог причислить — пусть и с большой натяжкой — к категории тех самых поступков.

Это было карате. В конце 1980-х оно все еще оставалось под негласным запретом, учебные пособия в Союз ввозились и распространялись контрабандно, и их было не достать. Я решил написать для своих детей собственное пособие. Тем самым я как будто не только говорил, но, вроде бы, и что-то делал. Это создавало какую-то иллюзию частичного воплощения того, что не успел сделать. Работая на общественных началах тренером, обучая чужих детей, я, как и всякий отец, ждал, когда, наконец, подрастут собственные, чтобы передать то, что умел сам. Цинизма во всей этой затее я не замечал. Я убаюкивал себя: «Я не могу больше ловить для них рыбу, но я научу их никому и нигде не поддаваться...»

Вера — это «уверенность в невидимом». Третьим направлением моей реанимации были мои первые, осознанные рассудком, соприкосновения с миром невидимым.

Пришел корреспондент газеты «После приговора». Уходя, обронил: «Если Бог все же существует — тебя не расстреляют». Просто не разучившийся сомневаться человек. Я это понял и никакого значения его словам не придал — дежурная фраза...

Прошло несколько дней. Я сидел, расписывал очередную связку ударов-блоков. Делал рисунки, несколько увлекся и в одном из ракурсов изображенного лица увидел черты сына — его выражение глаз в момент, когда уходил от него навсегда. Меня захлестнуло.

Продолжение следует

НЕ БОЙСЯ Я С ТОБОЙ!

Мне было больно
До глубины души
Мне было стыдно
За свои пороки
И мне бы впору, просто:
«Ляг — и не дыши»
Иль — нищим побираться
У дороги

И в этой боли
Уже не было ума
И не подниматься бы мне
Больше над собой
Когда б не тронула
Мое плечо рука
Сказав надежно:
«Не бойся,
Я с тобой!».

А. ПРУДСКОЙ

ТЮРЕМНАЯ ХРОНИКА

ние на их перевоспитание», — говорит заместитель начальника учреждения ЮН 83/1 Александр Борисов.

На занятиях Романа Процайло и не захочешь, а приобщиться к культуре. К тому же тут узнаешь, что плетеная мебель — модный на Западе атрибут интерьера. В каталогах на такую мебель — сумасшедшие цены. Все, кто, научился плетению в колонии, начинали с нуля. Ученик Романа, Сергей Смолкин, рассказал, что сначала работа не шла, злость брала. Потом, когда с душой стал подходить к занятиям, все наладилось. «Весь ушел в это дело», — рассказывает ученик Сергей, — «Соответственно забываешься, и не обращаешь внимания, что находишься в тюрьме». На деле выходит, что польза от плетеной мебели есть, да еще какая. Некоторые изделия можно с успехом применять в лечебных целях. Сами

зэки говорят, что приходят на занятия добровольно. Как на отдых. Другой работы вне стен мастерских у заключенных всегда в избытке.

Сайт «Тюремное служение»

Массовое строительство храмов

В ближайшее время российские заключенные построят своими руками более семидесяти храмов.

«Церковь помогает осужденным восстановить утраченные нравственные качества и ценности, оказывает благотворительную помощь, обеспечивает одеждой, медикаментами, продуктами и литературой», — сказал представитель Федеральной службы исполнения наказаний, слова которого приводит во вторник «Российская газета».

По его словам, верующие осужденные лучше соблюдают режим, более

терпимы к людям, и, как показывает практика, после своего освобождения они не возвращаются в тюрьмы.

Строительство будет проходить под патронажем Русской право-

славной церкви, мусульманских организаций, буддистов, Федерации еврейских общин России и Союза евангельских христиан-баптистов.

Инициаторами программы стали не только администрации колоний, но и сами осужденные. Нередко восстанавливать храмы приходится на месте разрушенных. Например, в знаменитых «Крестах» в Санкт-Петербурге при советской власти тюремную церковь переоборудовали под зал заседаний. А теперь приходится переделывать обратно: уже вернули колокола, а на купола поставили кресты.

В настоящее время в тюрьмах и колониях России действуют 396 храмов. Из них 370 — Русской православной церкви, 18 мечетей, пять буддийских храмов и три костела. Кроме того, в исправительных учреждениях работают 695 молитвенных комнат, 228 воскресных

школ и 902 библиотеки духовной литературы.

Интерфакс

Задержаны осквернители могил

Двое молодых людей были задержаны ночью 12 июля в Московском районе Санкт-Петербурга по подозрению в попытке осквернения захоронения на Новодевичьем кладбище. Еще один предполагаемый участник акции (девушка) находится в больнице.

Около часа ночи молодые люди находились на Новодевичьем кладбище. Они перевернули одно из надгробий, и при падении оно упало девушке на ногу. «Скорая помощь» увезла пострадавшую в больницу. После этого двое молодых людей были задержаны сотрудниками милиции. По имеющейся информации, у задержанных был изъят путеводитель по Петербургу и список городских кладбищ.

Фонтанка